

IN THE GRIM DARKNESS OF THE FAR FUTURE, THERE IS ONLY WAR!

Into the Maelstrom

EDITED BY MARC GASCOIGNE & ANDY JONES

WARHAMMER
40,000
NOVEL

Конья предков

Алекс Хэглтонг

...

...

За восходом солнца на бесплодные пустоши
потянулось горячее море. Солнечные
лучи

...

изгнали тьму, сдвигая саван ночи с
сопел мёртвых тел. От Дакоты остались
лишь груды

развалин и трюнов. Накаляющийся песок
был усыпан битым бетоном и рваным
железом.

Среди мертвого опустошения суетились
лишь насекомые-падальщики, объедая
плоть с трюнов

и шмыгая по глазам мертвецов.

Аль'Казан, не мига, остерегал
раскинувшееся побоище. Тяжёлая
артиллерия переталывала

этот город не один час. Подземные
бункеры взорваны. По ходам убежищ под
городом

наверняка текут реки крови. Кровь будет скапливаться в самых глубоких местах, и запахи её

останется там навеки.

Кобыла под ним заволновалась. Хотя сердце у неё было сделано из железа, зрелище массового

избиения невинных нравилось ей не больше, чем ему. Аль'Казан повернулся к своим воинам.

Все до единого опытные ветераны, его соплеменники были лучшими сынами своего родного

мира, которых тот мог дать. Каждый знает своего скакуна так же хорошо, как своё оружие.

Такова философия его народа. Конь - это родич, конь -- это товарищ. Без него не выжить.

Батальон обратил мрачные взоры на Аль'Казана. Суровые сердца воинов явно были тронуты

увиденным. Каждый носил поверх плаща знаки своего клана, вырезанные из кости и

нашитые

на шкуру великого бизона. Почетные
бусины свисали с бород, удерживая сложно
переплетенные косички. Голос Аль'Кагана
нарушил безмолвие покинутого побоища:

- Сегодня наш первый и последний день.
Последний, ибо наша клятва на мече
Умнериуту

закончится. Первый, ибо мы погибнем или
сохраним победу. Погибнуть - значит уйти
в степи

наших предков, присоединиться к их
великой охоте. Победить - значит
получить мир,

которым мы сделаем своим.

Аль'Каган поднялся в стременах, чтобы
покинуть взглядом весь отряд. Подняв
повязку с глаза, он произнёс:

- Мы платили за каждую битву. Это
стоило нам и братьев-людей, и братьев-
коней. Мы - Сыны

Атиллы. Наша судьба ждёт нас впереди.

Аль'Каган опустился в седло и дернул
поводья. Кобыла поднялась на дыбы и

лягнула

передними копытами воздух. Через секунду безмолвие побоища было нарушено еще раз,

последний за сегодня: две сотни копыт в унисон ударили в землю, заставив трепыхаться жуков

броситься прочь, а стреляные гильзы на земле - подпрыгнуть. Атильская дикая кавалерия

Аль'Кагана снова двинулась в путь.

Они скакали по разбитым землям, обходя стороной места боев. На пути они не встречали

никого, кроме мертвецов, но след врага был и так заметен. Тяжелые танки и многочисленная

пехота - такой враг, такая армия из огня и железа, следов не прятала.

- Досточтенный Аль'Каган, - рядом ехал огромный соплеменник, Түлк. Багровосиние шрамы

на его лице отмечали немалое число одержанных побед.

- Говори, брат.

- Те, кто ведет Пракашский ХТТ-ый, вышли на связь. Их окружают. Они отрезаны на соляной

равнине и собираются принять там бой, - Түлк презрительно хрюкнул.

- Дагүт себя окрүжить - ил конец.

- Если гүх ястреба бүдет с нами, мы успеет ил поточь, - рослый соплеменник глянул в небо.

- Это так. Если предки бүдүт на нашей стороне, мы сможет прорвать вражеские порядки.

Создадим слабину, через которую они смогут прорваться. Включи коммуникатор: дай ил

знать, что сыны Атиллы еще раз спасут их безволосые шкүры.

Въехав на береговой вал, всадники увидели Великое озеро. Его жизненные соки давно пересохли, и озеро искрилось в тарево полүденного солнца. По соляной равнине, извиваясь

словно гадюка, ползла темная колонна,

неутоlimо настигая небольшое,
разрозненное

скопление войск. Аль'Каган остановил коня
и принялся рассматривать в бинокль
вражеское

войско, пока подтягивались остальные.
Затем он повернулся и обратился к
воинам:

- Сила врага в его артиллерии. Словно
кулак, падающий с небес, крушила она те
поселения, что мы видели. Мы должны
подобратъся к ней с фланга и уничтожить.
Предки сегодня с нами

- это поведал мне попутный ветер, что
сопровождал нас по этой бесплодной
пустыне. Так

пусть он поможет вам, когда вы нанесете
удар в самое сердце врагу, - Аль'Каган
поднял копье

и вставил древко в перевязь у седла. --
Копья беречь для артиллерии. С основными
силами в

бой не вступать. Идите как ветер,
братья мои!

Аль'Казан издал глубокий вопль, его голос
был полон силы. Отряд присоединился к
кличу, их

голоса взлетели над душным маревом.
Аль'Казан ощутил, как по телу
прокатилась

бүдоражащая дрожь, словно трепет от
убийства врага. Конь лежало в руке как
влимое.

Аль'Казан первым оборвал боевой клич и
бросил скакуна в атаку. Трохот копыт
покатился по

бескрайним просторам. Түлк,
перекрикивая шум, передавал
местоположение отряда через

коммуникатор на спине. С позиций
Пракашского ХТТ-го в небо взметнулась
ракета. Ответный
сигнал: они были готовы.

Сердце Аль'Казана колотилось так, словно
боялось отстать от летящих вперед
лошадей. Чем

ближе становился враг, тем сильнее
Аль'Казан сжимал поводья. Меховой плащ

бился и

хлопал за спиной. Глаза слезились от
уколов соляной взвеси и встречного ветра.

Неподалеку упал снаряд. Взрыв подбросил
кувырком в воздух коня и всадника. Кобыла
с

жалобным криком рухнула на землю, удар
ее прикончил. Ездок погиб под ударами
соперника

копыт. Опытные в военном деле, всадники
тут же разошлись широкой цепью. Новый
снаряд

упал где-то в середине, осколки резанули
по телам и шкурам. Но огонь артиллерии
не мог

соперничать со скоростью конницы.

Главная опасность ждала впереди.
Нечестивые костодесантники Хаоса в
деформированных и

прогнанных гонимых, словно гигантские
тараканы, разбежались, прячась за свои
машины.

Там они засели, переговариваясь и крича
на языке, который взрызался Аль'Кагану в

мозг, будто пытаясь сожрать его. Вокруг десантников орды культистов были безумные гимны своим уродливым повелителям.

Глядя на них всех, Аль'Каган почувствовал, что даже его сердце бывалого воина дрогнуло. Он

вцепился в поводья так, что железные кленки впились в ладони. Боль потогла отвлечься от

нечисти, ждавшей впереди. Со стороны вражеской колонны ринулись, вспарывая небеса,

летающие гравциклы. Конницу окатило градом лазерных выстрелов и болтерных снарядов.

Воинов выбрасывало из седел, но осиротевшие животные продолжали бежать вместе с

остальными даже без всадников. Аль'Каган перескочил через трюп лошади с разбитым черепом, её всадника зажало под мертвой тушей.

Первые всадники добрались до врага. Они

сработали отлично, их скакун
вспахивали линию
культистов, словно плуг. Несколько
всадников сбили - фонтанчики крови
выхлестывало в
воздух, словно струи пара под давлением.
Тулк вел вторую волну. Его люди,
оставив коня, вооружились лазганати.
Каждый выстрел
находил цель, но пробить её броню
удавалось не всякому. В ответ линию
всадников прошиб
град раскаленных пуль. Кони летели на
землю, сталкиваясь друг с другом в
падении.
Нескольким всадникам удалось спрыгнуть,
но большинство погибло под пулями и под
телами
собственных скакунов. Конницу повалило
так, словно какой-то ребенок стёл рукой
нагоевшие кубики. Атака захлебнулась.
Людам пришлось искать укрытия за
мертвыми и
утирающими. Оргы Хаоса, жаждущие

лишь кровопролития, поливали огнём
мертвых наравне
с живыми.

Аль'Казан развернул коня и бросил свой
отряд к спешенным товарищам.
Остановиться в бою

- значило подарить победу врагу.
Перескакивая через груды мертвых тел,
Аль'Казан неся

вдоль вражеской линии. Он размахивал
копьем словно простой палкой, оберегая
взрывчатый

наконечник от ударов. Прижатые огнем
воины, увидев его пример, бросились на
врага.

Атилльцы накинута на бронированных
костодесантников Хаоса, меховые плащи
воинов

были пропитаны кровью. Многих
подбрасывало высоко в воздух: мощь
вражеских силовых

успехов была исключительной, но
нескольким ударам все же удалось найти
свою цель.

- Мы затедряется! -- крикнул Аль'Казан, кружа вокруг схватки и собирая тех, кто еще

оставался в седле. Земля вдруг загрожала, и на какое-то мгновение все -- и культисты, и

конники, - затерли. Танки, покрытые шипами, оцетинившиеся орудиями и увешанные

жуткими лезвиями и бульдозерными отвалами, двигались на Имперскую Гвардию.

- Уходим! Шевелись, чёрт! -- крикнул Аль'Казан, свешиваясь с седла, чтобы схватить за

протянутую руку потерявшего лошадей товарища.

- Спасибо, брат, - Түлк, заместитель Аль'Казана, ухмыльнулся. Заостренные зубы Түлка были

перемазаны его собственной кровью из глубокого пореза на татуированном лице -- свежего

сувенира сегодняшней битвы, который

Түлк определенно будет гордиться и
беречь.

- А они не такие крутые, когда вскроешь
их панцирь, - снова ухмыльнулся он.

Вражеские танки были уже близко. Воины
Аль'Кагана всё ещё пытались выбраться из
схватки

на бесхозных лошадях и за спинами
товарищей.

Аль'Каган чертыхнулся.

- Мы должны выиграть время!

- Почту за честь, командир, - ответил
Түлк.

Аль'Каган поддал лошади пятками в бока
и, перескочив груды мертвых тел, ринулся
к

головному танку. Кобыла Аль'Кагана, с
боками, мокрими от пота и крови, бежала
с трудом, неровный стук копыт
подсказывал, что силы ее на исходе.

- Всего один рывок, дочь Атиллы, -
попросил Аль'Каган.

Түлк забрался с ногами на спину лошади,
держась за плечи Аль'Кагана, снял туги

набитую

сутку с седла и пригнулся. Аль'Каган обошел приближающийся танк сбоку, жуткие лезвия

вращались на расстоянии протянутой руки. Түлк, задержавшись на мгновение, прыгнул на

рычащий танк. Аль'Каган пришпорил лошадь, и та рванула вперед, выбрасывая из-под копыт

клубы соляной пыли, галопом обходя машину сзади. Түлк взобрался на самый верх танка - и

отскочил назад от внезапно распахнувшегося люка. Аль'Каган сдернул с пояса метательный

диск и бросил не глядя, не заботясь, убьет он костодесантника или подарит безболезненную

смерть Түлку. Диск срикошетил от корпуса танка прямо в лицо культисту. Тот провалился, стреляя, обратно в люк. С пронзительным скрежетом танк повело в сторону, накренив вправо.

Түлк выхватил из сүтки гранату, щелкнул чекой и, запустив гранату глубоко внутрь машины, оглянулся с бешеными глазами.

Аль'Каган пришпорил скакуна. Түлк кинулся с танка, немного упредив товарища. Взрыв

разнес машину, впечатав Түлка в бок лошади. Все трое рухнули на землю. Оставшиеся два

танка продолжали ползти вперед. Оглушенный, Аль'Каган повернулся, ища своих. Тупая боль

в основании спины заставила его обратить внимание на ноги, зажатые под лошадью.

- Түлк?

Воин не шевелился. Танки с рычанием ползли к командиру атилльцев. Аль'Каган отчаянно

попытался добраться до сүтки на боку Түлка, но дотянуться не смог. Тогда он отогвинул

обратно и схватил копье. Затем

осторожно протянул ил сумку, молясь, чтобы взрывчатый

наконечник не сдетонировал, подорвав все гранаты. Соляная корка на земле сходила большими пластинами, когда он осторожно тянул сумку к себе. Рычание танков ощущалось

всем телом. Аль'Каган уже подтянул сумку так, что мог ее открыть.

Его накрыла тень. Косы и лезвия танка врубались в тело Тулка, пожиная урожай плоти.

Аль'Каган сунул руку в сумку и щелкнул чекой гранаты. Одновременно крепко упер копьё в

резную эмблему на латном нагруднике. Затем закинул сумку под головной танк и поставил

копье под бульдозерный отвал. Наконечник сдетонировал от удара. Аль'Кагана на мгновение

окутало огнем и серой, а затем выбросило прочь от рвущихся танков.

Аль'Каган барахтался, катясь кувырком

по соляной корке и тщетно пытаюсь
затормозить. Он

жгдал резкой, сокрушительной боли от
ударов копыт, но вместо этого его
окутало что-то

мягкое. Запах дома... жареной бизонятины
и кукурузного хлеба. Что это, загробный
мир?

Аль'Казан открыл глаза. Обернут он был в
толстый меховой плащ. Два молодых
всадника

подхватили его, как сеть, и сейчас везли
меж своих лошадей.

- Вы с нами, досточтимый командир! -
крикнул молодой всадник с заплетенными
косами.

- Коня! Мне нужен быстрый конь. Мы
должны уничтожить их пушки, -
прохрипел Аль'Казан.

- Великий командир...

- Я знаю, что ранен. У меня пробита грудь,
и мои жизненные соки питают землю.
Если мы

прекратим бой, то проиграем, и мое имя

бюджет обеспечено. Лучшее умереть, чем
жить без
чести.

Еще десяток конных присоединился к ним,
некоторые везли с собой товарищей.

-Собрать конья! И дайте мне коня! --
крикнул Аль'Каган.

Один атиллец спешил, пока остальные
пустились кругами, свешиваясь с седел и
подхватывая оставшиеся конья погибших
всадников. Конья валялись, как хворост, по
всему

полю боя, словно приглашая глупцов
рискнуть и пройти по взрывчатым
наконечникам.

Аль'Каган с трудом взобрался в седло.
Открытая рана в груди походила на
дыхательное

отверстие, выплескивая кровь и боль.

- Сын Атиллы, - обратился Аль'Каган к
всаднику, уступившему ему коня, - сядь
позади меня.

Возьми свои клановые кисти и крепко
зажми мою рану.

Всадник крепко обхватил Аль'Кагана
руками. Кровотечение остановилось.

- Моя жизнь в твоих руках. В буквальном
смысле. - Аль'Каган кашлянул, чувствуя
как слабеет
поток крови.

На этот раз боевых кличей не было.
Сейчас действия говорили громче, чем
любая труба.

Аль'Каган прищипнул нового скакуна,
посылая его вперед, молодой воин за спиной
зажимал

его рану и держал несколько копий.
Оставшиеся всадники последовали его
примеру, их

скакуны догоняли коня старого командира.
Конница разошлась с безмолвной
синхронностью, выстраиваясь линией. Цепь
всадников, числом в тридцать, взметнувшись
с копыта земли, ринулась на
врага.

- Копья готовы! - командовал Аль'Каган.
Пушки были все ближе. Они оказались
крупнее, чем он ожидал. Гигантские

стволы, загнанные к небу, казалось, сейчас
черкнут по пухлым

животам облаков. Гаубицы с казенниками,
чернеющими словно пасть варна,
скакались словно

демоны. Эти машины были готовы
выплюнуть свой смертоносный груз на
достоинных

служителей Императора.

На скаку атиллыцы перекладывали копья
из руки в руку с паучьей ловкостью. У
каждого копий

было вдвое обычного. Космогесантники
Хаоса со своими культистами заметили
диких

всадников. Они бросились, пригибаясь к
земле, за редкие укрытия, которые
торчали из земли, словно вывороченные
края воронок.

- Держать ровно! -- крикнул Аль'Каган.
Воздух выходил у него одновременно из
рта и из

раны. Голова кружилась от нехватки
кислорода в крови.

Залп лазерного огня и свинца хлестнул по цепи всадников. Взрывы мин и гранат рванули землю.

- Давай! -- крикнул Аль'Каган. По его сигналу, каждый всадник легко скользнул в сторону, распластавшись по правому боку лошади. Некоторых коней ранило, несколько упали, но остальные продолжали бег.

- За Атиллу! -- закричал один из воинов, когда кавалерия взметнулась в воздух и перескочила

через линию врагов. Не обращая внимания на противника, всадники пришпорили лошадей. От

грохота копыт гудела земля. Пот и кровь текли с лошадей и людей, оставляя тонкие красные

следы на искрящейся жаре. Всадники опустили копыта. Расчеты, все еще пытающиеся зарядить

орудия, схватились за оружие. Атилльцы испустили единый боевой клич -- двадцать

голосов

прозвучали словно сотня.

Конья со взрывными наконечниками нашли свою цель. Толстые броневые плиты срывало от

машин, из корпусов, словно из вспоротых животов, вываливалась проводка. Чередой взрывов, словно треск связки петард, покатилась по полю боя. Сверху сыпались градом подброшенные

в воздух снаряды. Аль'Казан метал гранату за гранатой в штабели уложенных боеприпасов.

Тыл армии Хаоса поглотило очищающее пламя. Горящие траки и куски металла еще падали

на землю, когда атильцы принялись рубить убегающих.

...

...

Аль'Казан провел руками по груди. Рана зажила хорошо. Остался впечатляющий шрам, самый

...

большой на истерзанной сражениями
грудь. Тихие звуки линейного крейсера
наполняли

помещение. Прозрачные пластальные окна,
словно пустые глаза мертвеца, уставились
на

звезды. Аль'Каган остановил взгляд на
яркой голубой туманности,
переливающейся

волнами и языками пламени.
Убаюкивающий гул двигателей звездолета
и блистающее

зрелище перед глазами почти вызвали у
Аль'Казана желание остаться в глубоком
оцепенении.

Почти.

Он опустил глаза на большого Имперского
орла, висящего на груди на золотой
цепочке. Он

ощущал его тяжесть даже сквозь сло
меха и грубой ткани. Остальные свои
награды и медали

Аль'Каган носил на плаще. Сейчас они
казались блестящими металлическими

блохати,

присосавшись к шкуре. Аль'Каган
принялся изучать в окне свое отражение:
широкая,

отороченная мехом, степенная шапка,
единственный глаз дикого воина, глинные
заплетенные волосы. Он с трудом мог
отличить собственные черные пряди от
гривы снежного

барса, которую носил поверх мехового
плаща. И то, и другое вытерлось от
старости и

потемнело от тысяч кровавых пятен.

- Командир! -- раздался голос за спиной.

Аль'Каган неторопливо повернулся.

Комиссар: черная кожаная шинель, черная
островерхая

фуражка, украшенная серебряными
черепами, глаза холодные как камень.

- Командир, полагаю, вы поправились?

- Так и есть, комиссар Штрек.

- Имперский орел ват к лицу, - комиссар
повернулся к окну.

- Удобно сидит на шее.

- Как и положено. Вы хорошо послужили Императору, - комиссар повернул ручку, закрывая

окно экраном и оставляя в помещении лишь яркий неоновый свет.

- Сто сражений.

- Пора занять место правителя собственной провинции на Дагнаре-2.

- С нетерпением жду этой чести.

- В самом деле?

- Я уверен как никогда.

- Интересно. Я полагал, что ваш народ скучает по родному миру, как ни один другой. Ледовые

воины Вальгаллы стремятся к солнцу, альдерийские ударные части ненавидят свой мир

смерти, Огненные Часовые с Горчака хотят воды. Но атильцам никогда не наедает

охотиться на бизонов, участвовать в клановых войнах... или так, по крайней мере, считает

Агентүс Министорүм.

- Уверен, у них есть на это причины.

- Несомненно, - Комиссар Штрек
развернулся и собрался покинуть
помещение, но
остановился:

- Однако... у вас есть необычный выбор.
Через три дня мы пристыкуемся у вашего
родного

мира. Это уникальная возможность. Нам
нужно взять новых лошадей и другие
припасы для

вашего обоснования на новом месте, затем
мы отправимся на Дагнар-2, а оттуда на
Олстар

Прим. Если вы решите остаться на
родине, ваша честь не будет задета. Вы
можете вернуться

на свои охотничьи земли.

- Так в чем дело?

- Скажем так, я давно придерживаюсь
мнения, что со временем воин Императора
забывает

все, кроме умения воевать. Я хочу

получить доказательства, которые
изложу в докладе

Министору. Контрольный опыт, если
хотите.

- Понятно, - Аль'Каган опустил взгляд на
медаль на груди.

- Корабль простоят всего неделю, - сказал
Штрек. -- Император вас благословляет.

...

...

- Неделя, командир, - донесся крик
комиссара Штрека через пространство
одного из многих

...

погрузочных отсеков огромного
костического судна. Аль'Каган даже не
оглянулся. Вместо

этого он двинул вперед, сквозь воздух,
полный паров топлива, к высоким воротам
отсека. Ему

не терпелось ощутить под ногами вместо
безжизненного железа мягкую землю
родного мира.

Меха Аль'Кагана, связанные в узел за

спиной, давили на плечи. Усыпанные
наградати

Императора, они смотрелись чуждо для
Атиллы. Извилистый путь через туннели
и мостки

был забит людьми, мешая Аль'Казану
идти. Корабль Императора со своими
отрабатывающими

испарениями и скрежетом даже теперь
пытался не пустить его на родную землю.
Землю, с

которой навечно была связана его душа.

Аль'Казан добрался до огромных внешних
дверей отсека. Двое солдат из
Пракашского ХТТ-го

-- всего лишь мальчишки -- стояли на
страже у небольшого, для людей, выхода.
Один из них

преградил ему путь. Аль'Казан вынул из
ног плаща свои бутаны и припечатал их ко
лбу

молодого гвардейца. Тот отшатнулся.
Аль'Казан коротким пинком выбил из-под
того ноги и

крѣтанулъся на мѣстѣ, давъ тяжело му ўзлѣ
врезать второму по шее. Тотъ рѣхнулъ на
полъ всего черезъ

пару секундъ послѣ перваго. Тяжелые отъ
печатей бумаги съ шелестомъ легли на полъ
между ними.

Аль'Каганъ прошелъ въ дверь, и въ него тутъ же
ударилъ вѣтеръ роднаго дома. Онъ задержалъ
дыханіе и

спустился по наклонному мостику, затѣмъ
спрыгнулъ въ доходящую до коленъ траву
вольныхъ

стеней Атиллы.

Грузный костическій корабль горой
возвышался надъ пастбищами. Днемъ его
тень бѣдетъ

двигаться по землѣ, словно стрелка
гигантскихъ солнечныхъ часовъ. Высокую
траву колыхалъ

теплый вечерній вѣтерокъ. Стебли
плескались вокругъ идущаго Аль'Казана,
хлопая его по

бедрамъ. Корабль приземлился возле
небольшаго имперскаго форпоста,

сжавшегося на

широком пятаке выжженной земли.
Больше походящие на скопище
разрозненных

административных зданий, чем на
организованную базу, строения были
похожи на

приплюснутые кучки навоза.

Но что еще хуже: вокруг них, словно
жужжащие мухи, собрались кучками
аттильцы. Подходя

к ним, Аль'Казан увидел, что людей там
оказалось больше, чем он думал поначалу.

Многие

валялись, сгрудившись рядом, пьяные, в
лужах рвоты и нечистот. Некоторые
грозили у

небольших костров. Подойдя еще ближе,
Аль'Казан увидел, что те жарят мясо, но
не

пустынных куропаток или бизоний бок, а
нечто другое - нечто, больше похожее на
крыс.

Бродячие собаки и нищие уступали

Аль'Кагану дорогу. Чем глубже он заходил
в болото

обугленной земли и насех возведенных
бункеров, тем больше Аль'Каган боялся,
что никогда

оттуда не выберется. Он словно входил в
сердце темных стеней - страшного места,
куда

отправляются обесчещенные мертвецы.
Здесь стояли костолеты поменьше, без
прославленного орла Умперуума. Кто
это? Больные торговцы? Наемники?
Пираты?

Аль'Каган не мог сказать наверняка. Но
что он мог бы сказать точно: эти люди
зарабатывали

себе на жизнь на его народе. С одного бока
одного из кораблей занимался своим делом
торговец в долг. Нищие и раненые
выстроились в безликую очередь возле
небольшого

корабля. Темный коренастый мужчина
выдавал еду в побитых жестяных тисках.

- Сестра, что вы здесь делаете? -

наклонился Аль'Казан к женщине, стоящей
в очереди.

- Я голодна, брат.

- Где твой клан, твой муж?

- Он ушел сражаться за Небесного
Императора. Я пришла сюда, чтобы
обрести покой.

- Я не вижу здесь покоя.

- Могу я вам чем-то помочь?

Торговец в глинной кольчужной куртке
подождал и остановился напротив
Аль'Казана.

- Ты превращаешь мой народ в попрошайек, -
прохрипел Аль'Казан.

- Мы предлагаем еду в обмен на небольшую
работу на нашем корабле на орбите, -
произнес

торговец, отодвигая полу куртки. --
Вставай в очередь или проваливай. -- Он
показал рукоять

лазныстолема под одеждой.

- Я знаю, что это такое, - обратился
Аль'Казан к собравшимся людям. -- Это
обман. Эти люди

-- работоторговцы, они заберут вас к себе на корабль, самых сильных сунут в клетки, а остальных - убьют!

- Что? Да это просто вранье! -- торговец повернулся к толпе, разводя руки.

Аль'Каган схватил торговца за шею и бросил на землю. Откинув полу его куртки, он указал на

комплект наручников у того на поясе.

- Смотрите! -- крикнул он толпе. -- Какому купцу это нужно?

Аль'Каган сильнее вдавил торговца лицом в землю. Остальные торговцы двинулись ближе.

Аль'Каган выхватил лазнустолет из-под куртки торговца.

- Назад! -- прорычал Аль'Каган, прижимая лазнустолет к затылку торговца. -- Возвращайтесь к

своим племенам! -- крикнул он попрошайкам. -- Атилльцам так жить не погодно!

Затем сплюнул и ушел в ночь. Пустые лица провожали его в молчании. Ни один

не

шевелинулся, ни один не ушел.

...

В небе над головой начали появляться глаза предков. Он по-прежнему помнил каждый

рисунк, каждое созвездие, с тех времен много лет назад, когда с мальчишеской мечтой о

военной славе отправился к этим звездам, чтобы сражаться за Императора-Бога. Предки

поведут его, поведут его глаза к охотничьим угодьям его народа. Аль'Каган попытался

представить себе, чем они сейчас заняты. Может быть, пируют после великой охоты,

собравшись у костров. Он бы уходил от света каждого очага, чтобы встретиться со старыми

друзьями и новыми воинами. Молодым всегда не терпится получить первые шрамы в бою.

Так хорошо будет вернуться домой.

Ночи тянулись долго. Аль'Казан спал рядом с усталой старой кобылой, которую купил у

торговца еще там, у имперского форпоста. Животное было покрыто шрамами и морщинами

почище самого Аль'Казана. Во сне дыхание у нее было поверхностным, постоянно напоявая

ему, что он тоже не вечен. Аль'Казан обнаружил, что как-то подрастерял умение добывать

огонь, и ему пришлось пользоваться зажигательными шашками из гвардейского снаряжения, чтобы обогреться.

На равнинах он почти не встречал следов своего клана -- следы, оставленные стадами, были

старыми, и свежих отпечатков лошадиных копыт не было тоже. На третью ночь он все-таки

набрел на брошенное стойбище: на

сожженные до тла шатры и втоптанные в
землю клановые

знамена. Тел не было. Среди обугленных
останков Аль'Каган нашел лазган с
выгоревшей

батареей. Меток на нем не было. Неужели
его народ завел привычку пользоваться
оружием

Илнериута?

На четвертую ночь Аль'Каган обогнул
массивный край Капакского каньона.
Словно палец

какого-то бога ковырнул землю, обнажив
внутреннее строение широкого провала.
Дно его

было усыпано каналами, похожими на
артерии, валунами и выходами пород,
похожими на

раковые опухоли, древними пещератами,
похожими на пустые глазницы. Если его
клан

подвергся нападению, то именно здесь они
стали бы искать убежища. Так было
сотни лет.

Лишь клан Тени Ястреба знал об этих
туннелях и горных краях и мог надолго
здесь

спрятаться. В тайной долине, сквозь
замаскированный проход в каменном
пласте, он наконец

увидел знакомые шатры. Они стали
меньше, чем он помнил, и сильнее
обветшали. Несколько

дворняг дрались за кость в свете луны.
Охраны видно не было.

Аль'Каган скрикнул зубами и спешился.
Дальше он пошел пешком, крепко сжимая
теховой

узел, который прихватил с собой с
корабля. При его приближении собаки
бросились прочь, уныло гавкая в темноту.

Молодой атиллец с еще свежими
шрамами на лице вышел из тени с
обнаженной саблей.

- Прочь, - буркнул Аль'Каган.

- Ты на земле клана Тени Ястреба, -
малышка подступил ближе, поднимая
саблю. - Сам

уходи прочь.

- Я Аль'Каган. Я один из Тени Ястреба.

- В нашем клане нет никого с таким именем.

- Ты слишком молод, чтобы знать всех, - Аль'Каган двинулся дальше мимо мальчишки.

- Брось то, что у тебя в руках, или мой клинок отведаст твоей крови, - сердито рыкнул

мальчишка.

- Нет. Я Аль'Каган!

Парень бросился на него. Старый воин сделал шаг в сторону, перехватил руку парня и резко

дернул вверх. Тот издал тонкий вопль, выронил саблю и схватился за плечо.

- Потом встанет на место, - презрительно бросил Аль'Каган.

Подобрав упавшую саблю, Аль'Каган зашагал к ближайшему жилищу. Люди племени

выскакивали на крик. Он разрубил входную завесу шатра.

- Алишфа! -- позвал Аль'Каган жену.

Узбитый соплеменник погнулся, откидывая в сторону шкуры. Его истощенное лицо и тело были покрыты шрамами.

Аль'Каган вспорол завесу следующего шатра. Здесь ее тоже не было. Какая-то женщина

сидела в окружении многочисленных детей, с усталым лицом и красными от слез глазами.

Тощие дети принялись плакать и кричать.

Аль'Каган пошел по другим шатрам. С каждым взмахом сабли ему открывались несчастья

племени. Чужаки спали с его родичами. Воняющие тухи, некоторым по многу дней,

использовались в пищу. Лошади хромали.

- Алишфа! -- крикнул Аль'Каган, разрубив занавес очередной кривой халупы. Из-под горы

техов резко сел тужчина с выражением

ужаса на лице. Рядом виднелся знакомый женский силуэт.

- Алишфа! Твой муж вернулся! -- заорал Аль'Каган, когда мужчина вскочил и схватился за охотничье копье, висевшее под самой крышей.

Аль'Каган рубанул саблей протянутую руку. Обрубок упал на пол. Мужчина взвыл. Аль'Каган

схватил его за переплетенные волосы и вышвырнул голого на улицу.

- Аль'Каган! -- крикнула на него темногоглазая женщина с седеющими волосами. На ее коже

отпечаталась история всей ее жизни, история, которую Аль'Каган с трудом мог прочесть. Он

узнал жену только наполовину, когда та перехватила его руку.

Аль'Каган резко развернулся и ворвавшись внутрь людям и отпихнул Алишфу обратно на

постель. Огун из нападающих ударил, целясь Аль'Казану в голову. Тот присел и дернул

изношенную шкуру на полу, опрокинув мужчину. Тот свалился, проломив большой горшок.

Пол залило водой. Еще огун бросился на Аль'Казана. Тот шагнул навстречу и врезал ему

рукою сабли по лицу.

- Давайте, сосунки! -- рывнул Аль'Казан наружу из хибары. -- Посмотрим, сколько вам

понадобится времени, чтобы проявить ко мне уважение!

Внезапно он ощутил резкую боль в затылке. Заваливаясь, Аль'Казан развернулся и увидал

Алишфу с тяжелым железным котелком в руке. На дне котелка остался след его крови.

Аль'Казан открыл глаза. На головой он увидал одеяла, свисающие с поперечин шатра. Голова

раскалывалась. Он лежал на полу среди
сырых шкур. Алишфа сидела рядом, держа
саблю у

его шеи -- саблю, которую он отдал ей в
тот день, когда ушел.

Она постарела сильнее, чем он. Ее глаза
были такими, словно она повидала ужасы
варна, в ее

спутанных волосах виднелись седые пряди.
Она сохранила благородную осанку, но
казалось, держала ее с трудом, лишь
чтобы сохранить перед ним лицо.

- Ты ударила меня, - Аль'Казан потрясал
такуюшку.

- Ты ломал мой шатер.

- Ты - моя жена, - буркнул Аль'Казан,
почувствовав вкус крови из разбитой губы.

- Была! Я была твоей женой, - Алишфа
положила саблю рядом с собой. -- Когда муж
улетает

на небесной лодке, жена становится
вдовой. И после окончания траура может
выбрать себе

нового мужа.

- Ты больше не вдова. Я вернулсЯ.

- Я оплакала твой уход. Глупец, ты подался к звездам. Ты сражался за Небесного Императора.

Ты ушел. Что тут еще говорить?

- Я вернулсЯ к своему народу. Я увидел, что нужен им, - Аль'Каган медленно сел. Ему пришло

в голову, что он спорит с ней так, как будто улетел только вчера. Ее нрав остался прежним, как, впрочем, и его. Хоть какие-то вещи на Атилле не поменялись.

- Мы прекрасно обходились без тебя, Аль'Каган. Тебе больше нет среди нас места.

- Все обычаи племени забыты. На меня накинута мальчишка, слишком глупый, чтобы знать

законы гостеприимства. Кто сейчас вождь?

- Но'Тар мертв. Как я уже сказала, с тех пор как ты ушел, прошла целая жизнь. Наше племя

больше не великое. Мы голодаем, из
тужчин остались только тальчишки.
Меньше всего нас
сейчас заботят обычаи.

- Это печально, - Аль'Каган осторожно
встал. -- Жаль. Наши обычаи делают нас
атилльцами.

- Теперь новые обычаи. Времена
изменились, - Алишфа протянула
Аль'Кагану влажную
тряпку. Тот приложил тряпку к голове.

- Они изменились слишком сильно. Где все
тужчины?

- Уехали воевать с диктатором,
Талтаром. Наше стаго украли, и они
решили вернуть его
назад.

Аль'Каган принялся мерить шагами
пространство внутри шатра, пытаясь
избавиться от

тумана в голове. Он выглянул на улицу
через отворот завесы. Собравшаяся
снаружи толпа

отхлынула прочь, завидев Аль'Кагана.

Годных воинов там было очень мало, десяток от силы.

- Наших воинов разбили? -- спросил он, повернувшись обратно к Алишфе.

- Выжившие рассказали про крепость, про оружие, купленное у небесных купцов. Они уехали

и попытались напасть на крепость, но не смогли ни одолеть ее стен, ни победить их оружие.

- Где твой... муж?

- У знахарки. Она занимается его раной.

- Я могу заплатить за новую руку.

- Он гордый. Он не возьмет твоих денег и не позволит машине заметить свою плоть.

Аль'Каган взглянул на женщину, которую знал лишь девүшкой. Она носила печали своего

племени, словно покрывало, но под ним еще угадывалась гордость.

Аль'Каган покинул шатер. Толпа снаружи подалась назад, некоторые мужчины потянулись к

саблям. Аль'Каган поднял руки. Толпа
следила за каждым движением человека,
который

явился к ним, словно бешеный безумец.

- Ложитесь спать, - обратился к ним

Аль'Каган. -- На рассвете мы обсудим, как
возродить

наше племя.

...

...

- Приветствую вас, некогда гордые
племена Канакской долины! -- Аль'Каган
встал в

...

стреленах, обводя взглядом скопище
раненных мужчин, мальчишек и женщин,
которые

решились пойти против традиций. -- Я

Аль'Каган. Я служил Небесному
Императору и теперь

вернулся, чтобы воссоединиться со своим
народом. Но здесь я не встретил ничего,
кроме горя

и слез. Этот диктатор отвергает

обычай нашего народа, он грабит и ворует
бизонов, он

положил камни на землю, чтобы
построить крепость. Эти равнины
принадлежат всем. Наши

предки разделили их поровну, чтобы все
мы могли свободно скакать по земле и
питаться ее

плодами. Этот Талтар -- враг всем нам,
враг нашим обычаям, враг нашим предкам.

Несколько воинов заерзали в седлах.
Многие сплюнули на землю. заостренные
зубы блеснули

на ярком солнце.

- Я вернулся готовый, ища обычаев, которые
хранил нүще глаза в своем сердце. На
других

тирах атилльцы сражаются,
объединенные любовью к своей родине, к
своим братьям-коням и

свободе, к которой мы всегда стремимся.
Я говорю вам: этот диктатор, Талтар, --
всего лишь

разбойник. Я говорю вам: мы двинем

наших коней против него. Я говорю вам:
мы повесим

его на воротах его собственной проклятой
крепости, чтобы пагальщики жрали его
внутренности. Через битву мы познаем
истину. В битве мы обретем победу. С
помощью

битвы мы спасем дух Атиллы и
восстановим славу племен!

Головы опустились, лица отвернулись
прочь. Бездушные копыта заскребли по
земле.

- Не поворачивайте прочь! Вы должны
верить в обычаи предков. Мы одолеем
этого человека.

Он не демон. Его крепость -- это всего
лишь земля. Копыта наших коней рвут на
скану землю, и его крепость -- ничто!

- Бесполезно, Аль'Казан, - туж Алишфы,
Ке'Тан, повернулся в седле к нему. Его
темные косы

и гладкое, без шрамов, лицо выдавали его
молодость. Его глаза были острыми и
упрямыми, похожими на черный жемчуг.

Ке'Тан ткнул обрубком в сторону уходящей
толпы: - Ух дух

сломлени.

- Ух сердца больше не сердца истинных
атилльцев.

- Времена изменились.

- Изменились к худшему, Ке'Тан.

- Наверное, но ничто не вечно.

Аль'Каган прыгнул на землю. Присел и
взял горсть жирной черной земли.

- Я побывал на многих мирах, и лишь одно
не менялось. Всегда была война. --

Аль'Каган

встал, отбросив землю. -- Если Атилле
нужны перемены, то он их получит. Уди и
поговори с

ними. Скажи, что я знаю, как разрушить
крепость.

На этот раз пришло еще меньше.
Аль'Каган встопрелся в скопление лиц,
угрюмых и ничего

не выражающих. Посмотрел на низкий
край над собой. Там сидел на коне Ке'Тан,
ожидая его

приказов.

Аль'Каган повернулся к толпе:

- Даже камень можно преодолеть.

Он махнул саблей, и Ке'Тан прищепил коня. Тот рванул по кряжю, грохоча копытами и

выбрасывая в стороны комья земли. Ке'Тан покрепче ухватил поводья и опустил охотничье

копье на сгиб покалеченной руки, направив его на широкий валун впереди. Воин сжался, когда мощный взрыв расколол камень. Осколки, словно листья с дерева, посыпались на

собравшихся всадников.

Толпа ахнула.

Аль'Каган воздел кверху свое охотничье копье:

- У меня двадцать таких взрывных наконечников. Древки ваших копий не так крепки, как

стальные, так что их придется усилить. Но с их помощью мы сможем пробить стены крепости.

Мы можем победить этого диктатора.

Холодный ветер рассвета пошевелил
волосы Аль'Казана. Он расшевелил высокие
травы, что

росли на верхушках холмов. Ниже начал
подниматься утренний туман. Вокруг
Аль'Казана

собралось пятьдесят всадников из
разбитых кланов Канакской долины.

Всадники, самого

разного возраста, сидели на самых разных
кобылах и жеребцах. Лица людей были
полны

угрюмой решимости. Людей было мало.
Мальчишки среди них никогда не видели
битвы,

никогда не убивали человека.

Аль'Казан обернулся к отряду. Жеребец
под ним гарцевал. Взгляд Аль'Казана
прошелся по

линии всадников.

- Врать не буду. Сегодня врагов больше,
чем нас. Сегодня мы сражаемся против

превосходящих сил, прячущихся за

каменными стенами. Сегодня мы можем
потерять свои

жизни. -- Аль'Казан развернулся к меховому
узлу, который принес со звездолета.

- Но это то, что вам известно, - он
принялся разворачивать большой узел. -- Я
обещаю вам: раз

сегодня нельзя сражаться старым
способом, вы не опозорите своих предков.
Они будут

смотреть на вас с великой радостью, ибо
вы сражаетесь, чтобы освободить дух их
сыновей, детей наших пращуров -- наших
братьев, что лежат под этой крепостью.

- Еще я обещаю вам вот что, - Аль'Казан
вытащил из узла плазменное ружье и
несколько

гранат. Эмблемы Имперской Гвардии на
них были отлично видны всем. -- С этим
оружием мы

победим! Мы поскачем с силой тысячи и
расколем стены крепости, словно удар
толщи с

неба. Мы раскроим врагам черепа и

обрушил на них всю ярость кланов!

Всадники восторженно зашумели. Аль-Казан развернул лошадь и нырнул в туман,

направляясь к равнине, на которой стояла крепость. Вокруг него почти сразу сомкнулись

белые щупальца, и он почти ничего не видел, спускаясь по крутому склону, ведущему к

крепости Талтара. Всадники последовали за ним в белесые испарения, лишь по стуку копыт и

сердец догадываясь, что вокруг едут другие.

Спустя, как показалось, несколько долгих часов, земля выровнялась, и туман поредел.

Крепость, размером с небольшой звездный крейсер, вырисовалась впереди. Стены ее зловеще

щерились зубцами. Из земли перед стенами угрожающе торчали навстречу железные шесты с

приваренными кусками рваного металла.

Это может затормозить атаку. С виду, на
стены

крепости вполне можно было взобраться
по грубо отесанным камням, но
многочисленные

бойницы и сторожевые башни превращали
это дело практически в невозможное.

Люди

Аль'Кагана начали останавливаться.
Многие, ошарашенные гурным
предчувствием,

заколебались. Нужно было предпринять
решиительные меры.

Аль'Каган, с плазменным ружьем в руках,
выпустил залп раскаленной тощи, которая
прошла сквозь железные шесты и
окатила долину белым светом. В
плотном воздухе

затрещали электрические разряды. Люди
Аль'Кагана победили страх и ринулись
вскачь,

словно безумные, надеясь, что бывалый
воин с ружьем уничтожит рогатки,
препятствующие

их атаке. Аль'Казан изво всех сил старался разрушить каждое препятствие прежде, чем его

люди наскочат на него, но некоторые всадники все же напоролись на шипы. Но он продолжал

стрелять: если атака затежится, они окажутся зажаты в узком месте, и их просто

перестреляют.

Всадники продолжали скакать: от смертоносных препятствий остался лишь пенел. На стенах

крепости появились люди. Дробовики и винтовки прибавили свое глухое стуканье к

пронзительному визгу плазменного ружья Аль'Казана.

- Отвернуться! -- крикнул Аль'Казан, когда они подсккали к стенам крепости.

Стандартные

гвардейские световые гранаты взлетели высоко в воздух, хлопая по очереди, словно фейерверк. Люди за баррикадами

завопили, ослепленные вспышками.
Всадники продолжили атаку.

- Копья! -- заорал Аль'Каган, перекрикивая вой собственного оружия.

Всадники повиновались, опустив оружие, оканчивающееся взрывчатыми наконечниками, против каменных стен.

- Подравняться! -- Всадники подружили друг к другу, создав убедительную цепь. Копья

звучали словно гром в унисон толпам из оружия Аль'Кагана. Гроза возмездия нагвизалась.

Слишком поздно ворота крепости открылись, выпуская собственную конницу диктатора.

Люди Аль'Кагана сжались, когда копья ударили в стену. Наконечники сдетонировали,

пробивая огромные дыры в камне. Острые осколки полосовали лица и рвали меха. Огин

всадник пал под градом обломков, его
кобыла продолжала бежать. Всадники
диктатора

повернули вслеп за людьми Аль'Казана.

- Тени Ястреба и Пустынные Колючки
берут внутренний двор! Остальные кланы
за мной! --

скомандовал Аль'Казан, стараясь
перекричать поднявшийся хаос. Всадники
разделились.

Отряд Аль'Казана развернулся и
приготовился к атаке.

Вражеские всадники разгонялись все
быстрее.

- Не останавливаться! -- крикнул
Аль'Казан, срывая чеки с четырех гранат.
Улетел гранаты

под ноги приближающимся всадникам.
Лица врагов исказил страх, раздался
испуганный

вопл. Гранаты взорвались, разрывая
землю и плоть. Вражеская атака
захлебнулась. Теперь

преимущество в скорости было у

всадников Аль'Кагана. Кони ударили в коней, всадники

набросились на всадников -- и закипела отчаянная схватка.

Аль'Каган перехватил плазменное ружье, как глубину, и выбил из седла вражеского конника --

тот мгновенно погиб под ударами копыт. Засверкали сабли: люди Аль'Кагана схватились с

людьми диктатора. Медленное давление лошадиных тел походило на гигантского питона,

постепенно сжимающегося кольцом вокруг места битвы. Люди из всех сил цеплялись за

своих скакунов -- упасть значило погибнуть в давке. Один из воинов диктатора неожиданно

бросился к Аль'Кагану, перескакивая по спинам прижатых друг к другу коней. Аль'Каган

повернулся и выпустил несколько выстрелов из плазменного ружья. Сгустки

плазмы прошли

тило, едва заметлив нападающего.

Тот прыгнул на Аль'Кагана, и оба свалились на землю. Нападающий раз за разом наносил

удары коротким ножом. Аль'Каган почувствовал, как лезвие вошло в бок. Не раздумывая, он

нанес удар головой врагу в лицо. Затем откатился в сторону, - и его противник с воплем погиб

под копытами разъяренного коня.

Забравшись обратно в седло, Аль'Каган увидел, что его люди одержали верх и уже расправляются с остатками конницы диктатора. Аль'Каган вытащил засевший в боку нож.

Люди Тени Ястреба и Пустынной Колючки проскочили сквозь проломы в разбитой стене и

ворвались во внутренний двор крепости. Ке'Тан возглавлял атаку. Двор крепости был завален

награбленным добром, странные машины,

купленные у торговцев-пиратов, были
разбросаны

по всей крепости. Черные как столь трубы,
похожие на выпущенные кишки, мешались
по

ногами. Женщины и дети разбежались по
тазанкам и каменным домам,
пристроенным к

стенам крепости. Сверху, со стен,
хлынула масса воинов, вооруженных
пистолетами и

саблями. Все они выглядели
контуженными и уже отчаявшимися.

Ке'Тан выхватил саблю из ножен у седла,
крутанул над головой и начисто снес
голову

погбежавшему воину прежде, чем тот
успел среагировать. Другой воин вскинул
дубовик.

Оружие грохнуло, зацепив плечо Ке'Тана.
Едва обратив внимание на рану, Ке'Тан
резко

опустил саблю. Воин вскинул дубовик над
головой, пытаясь отбить удар. Удар,

нанесенный с

высоты лошади, был страшен. Запастье
воина треснуло, дробовик вылетел у него
из рук. И

воин, и его оружие полетели на землю,
дробовик при падении выстрелил. В лицо
Ке'Тану

брызнуло ошметками, и он отвернулся.
Вокруг, воины его клана добивали
оставшихся врагов.

Вдалеке, на дальнем краю схватки,
появился темный силуэт.

- Кто это? -- спросил Аль'Каган, догнав
Ке'Тана.

- Талтар, диктатор, - презрительно
бросил кто-то.

Облаченный в темные меха, крест-
накрест препоясанный черными ремнями и
кожаной

портупеей, Талтар ринулся вперед верхом
на огромном черном скакуне, держа в руке
стрекочущий цепной меч. Аль'Каган
застонал, увидев как чужестранное оружие
легко прошло

и сквозь сабли, и сквозь руки. На лице диктатора застыло выражение безумия, поширтал и

беззубой ухмылке текла кровь людей Аль'Кагана. С неустойчивой четкостью Талтар расправился с пятерыми всего за каких-то несколько секунд.

- Сюда! -- заорал Аль'Каган, привлекая внимание диктатора. Талтар направил коня к нему.

Аль'Каган пришпорил своего, торопясь навстречу. Оба с бешеными глазами, на полном скаку

пересекли разделявшее их короткое расстояние.

Аль'Каган пригнулся к своему скакуну и шепнул:

- Брат-конь, благодарю тебя за твой дух и кровь.

Диктатор был уже близко. С цепного меча летели кровавые брызги. Аль'Каган изо всех сил

налег на поводья. Неопытное животное

взбрыкнуло и рухнуло наземь. Унерция
потащила его

вперед, прямо под ноги коню Талтара.
Черный жеребец споткнулся. В то же
мгновение

Аль'Каган прижал плазменное ружье к
плечу и выстрелил. Бело-голубой свет,
яркий словно

электрическая дуга, пронзил насквозь и
коня, и всадника. Талтар завопил, когда
его ногу

поглотила обжигающая боль. Чудовищный
скакун рухнул прямо на Аль'Казана.

Старый воин ощутил, как ногу рвануло
болью. Что-то лопнуло, и его ступня
согнулась под

неестественным углом. Рядом был
Талтар. Покрытый кровью своего коня, он
был еще жив.

Его цепной меч прогрызал себе дорогу
сквозь дымящуюся плоть. Беспощадное
оружие

резануло плащ, - Аль'Каган откатился в
сторону и пополз, подтягиваясь на руках.

Уставшие

мышцы едва справлялись с весом его крупного тела.

- Я... заберу... твою голову! -- вопил Талтар, подтягиваясь на руках вслед за Аль'Казаном.

- Ты оскорбил наших предков! Ты утреешь! -- крикнул в ответ Аль'Казан, ища свое оружие.

- Ты не лучше меня, -- выкрикнул диктатор, бешено размахивая мечом. -- Ты сам оскорбляешь

наших предков чужим оружием!

- Никогда! -- крикнул Аль'Казан, подхватывая свое ружье.

Диктатор тахнул мечом, -- бешено вращающиеся зубья ринулись к Аль'Казану. Тот все

возился с ружьем: оно еще не зарядилось полностью. Аль'Казан вскинул ружье навстречу

мечу, ожидая рвущей боли от вгрызающихся в руку зубьев. Меч врубился в питающую

батарею оружия. Вспышка бело-голубого
пламени прыгнула вдоль клинка и окутала
тело

диктатора. Тот коротко вскрикнул и
ударился о землю уже обугленным трупом.

Тряся головой, чтобы избавиться от звона
в ушах, Аль'Казан разглядел сквозь
залившую глаза

кровь группу собравшихся вокруг него
всадников.

Ке'Тан улыбался, глядя на него сверху.

- Мы победили, могучий Аль'Казан. Ты
вернул нам величие!

...

...

Пламя большого костра той ночью
вздыхало до самого неба. Густой аромат
жареной

...

бизонятины разносился на мили вокруг.
Разбитые некогда племена объединились,
чтобы спеть

о завоеванной славе и пролитой крови. Ни
один не уснул без помощи эля. Там не было

лишь

одной души: самого великого из Тени
Ястреба, Аль'Казана. Когда знахарка
закончила свою

работу, старый командир покинул лагерь
тихо, еще в самом начале празднества, с
лубком на

ноге. Аль'Казан покинул свою старую
хижину и пропал в темноте атильской
ночи.

На закате следующего дня Аль'Казан
добрался до звездолета. От ядовитых
испарений корабля

перехватывало дыхание. У входных ворот
ждала одинокая фигура. Аль'Казан
спешился и

подождал ближе.

- Так я и думал, - подал голос комиссар
Штрек. - Но вам было видно еще в день
ухода.

- У меня остался долг. Без оружия
Императора мы бы не победили.

- Ах, да. Вы одолели тирана. Bravo! --
Штрек шевельнулся, черный плащ

скрипнул. -- Почему

же не остаться и не стать их вождем?

- Я больше не узнаю этих мест.

- Значит, теперь вы один из нас?

- Нет, - Аль'Казан двинулся мимо Штрека
к возвышающемуся неподалеку звездолету, -

- я

атиллец.

* К О Н Е Ц *

...